

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

В маленьких деревянных домишках типа сараев стояли стенания и плач, когда дети кидались в объятия своих приводимых под конвоем матерей. Это были первые свидания после трёх-четырёхлетних разлук. А ведь каждой предстояло отбывать ещё более чем половину срока. Суждено ли им было выжить? И не ожидали их новые приговоры?

Нестираемо впечатление, когда мы – несколько человек, в том числе и дети-подростки, в страшном напряжении стояли рядом с домишками, а впереди расстилалась дорога, ведущая к лагерным строениям, видневшимся далеко в поле. Время от времени оттуда к нам приближались человеческие фигуры. Среди них я мгновенно со сжавшимся сердцем узнала маму. Она шла быстро, одетая в своё белое платье.

Первые минуты – неопишуты. Скажу только, что мама сумела сохранить человеческое достоинство и прекрасный женственный облик, невзирая на тяжёлую работу и унижительную лагерную обстановку.

За пять данных нам дней мы с ней так и не наговорились...

А в 1941 году разразилась жесточайшая из войн, когда-либо развязанных на земле. Главными действующими лицами её были Гитлер и Сталин, главными жертвами – втянутые в войну народы. И началась новая скорбная глава нашей жизни, исполненная страданий, невероятных лишений и страха за судьбу близких. Я перестала получать письма от мамы и продолжала оставаться в неизвестности относительно судьбы отца. Круша людские жизни, нёсся над землёй смерч военного времени. Этим тяжким годам, включая месяцы блокады Ленинграда, а также последующим, я посвящаю отдельные главы моего повествования.

II. ПО КАНВЕ ДНЕВНИКА 1937-1944 ГОДОВ

(В сокращении и без комментария дневниковые записи опубликованы в 1999 году. См.: Из дневника Е.Л. Евангуловой. 1937-1944 гг. // Отечественные архивы. 1999. № 1. СС.46–70).

С июля 1937 года, после ареста родителей, потекло моё ленинградское житьё-бытьё в семье двоюродного деда, профессора Ленинградского Технологического института, Михаила Георгиевича Евангулова (*Плодотворная научная и преподавательская деятельность М.Г. подробно освещена в БСЭ (1952 г., 2-ое изд. Т.15. С.371) и в Биографическом словаре деятелей естествознания и техники (БСЭ, 1958, Т.1. С.329). В 1960-е годы в Ленинградском (Петербургском) музее Истории Технологического института создан, в том числе и при моей помощи, стенд памяти проф. М.Г. Евангулова, а в ЛПИ на кафедре литейщиков, заведующим которой он оставался долгие годы, передан его увеличенный портрет и находится в галерее известных российских учёных*), выдающегося учёного и добрейшего человека.

Семейство дяди Миши состояло из его жены, Софьи Яковлевны, урождённой Ходженатовой, трёх дочерей – Нины, Сусанны, Юлии – и сына Георгия. Семья была примечательна шумностью в соединении с некоторой безалаберностью, непритязательностью и противостоятелем серьёзности и учёности своего главы. Поэтому последний на многие часы уединялся в своём кабинете. Михаил Георгиевич жалел и поддерживал свою внучатую племянницу, «племянную внучку», как шутливо он меня называл, понимая, что различия в обстановке и традициях моего бывшего дома и здешнего обостряют чувство одиночества и невозвратимости утрат.

Зато уж чего действительно доставало у моих родственников, так это оптимистического «здорового духа» и смешливости, часто порождавших комические коллизии. За дочерьми ухаживали дяди Мишины аспиранты и другие молодые люди, по вечерам танцевали и бегали в кино, не очень задумываясь над проблемами времени и над ставшей зловещей с приездом балагана окружающей атмосферой. Старшая дочь Нина только что вышла замуж за Павла Крикентовича Матушевского, сына репрессированного в начале 1930-х годов священника, и родила дочь Оксану. Они занимали одну из пяти комнат профессорской квартиры при Технологическом институте, предоставленной Михаилу Георгиевичу. Обреталась здесь же и Сусанна с шестилетней дочерью Этери от первого брака, после того, как её второй муж был арестован в 1937 году. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Юля и Гоша, студент последнего курса Военно-механического института, были ещё холостыми. Регулярными посетителями семьи, особенно к обеду, были племянники тётки Сони, Вася и Миша Саркисовы – студенты, заканчивавшие ЛИСИ, иногда приводившие своих приятелей.

В этой большущей семье я и оставалась до самой эвакуации из блокированного Ленинграда в феврале 1942 года, учась с 1938 года в Политехническом институте и ежедневно путешествуя в милом сердцу «студенческом» трамвае «девятке» между двумя институтами.

Краткому изложению событий этого периода мне помог мой более или менее регулярный дневник, который я начал вести с 1937 года. Из дали канувших в вечность 50-ти с лишним лет, внешний фон развернувшихся трагедий, так же как и внутренний психологический настрой действующих лиц, выглядят теперь совсем по-другому, нежели тогда. Поэтому я выбрала форму перемежаемости цитат из дневника и моего теперешнего комментария к ним.

Первая же запись, 3/XII–1937 года, свидетельствует о большом нравственном напряжении и подавленности 19-летней, едва вышедшей из девчоночьего образа мыслей, дочери арестованных родителей:

«Тяжело! С тех пор, как я в последний раз сделала запись в своём дневнике (он пропал при обыске), утекло много воды и многое изменилось в плохую, убийственно тяжёлую сторону. Теперь уже моих родителей со мной нет! Отца отняли 23 мая 1937 г., а маму – 3-го сентября. В этот, казалось бы, короткий срок столько пережито, передумано и столько пролито слёз, что, я думаю, наложит отпечаток на всю мою жизнь. Жестоко, бессердечно разрушили честную, дружную <...> семью! Где они? Что с ними?... Надежды на возвращение счастливого времени постепенно убывают. В институт, из-за операции аппендицита (20/VII–37), прошедшей весьма неудачно – с осложнением, экзамены сдавать не пришлось. Чтоб не пропал год и чтоб иметь, учитывая мои «анкетные данные», два альтернативных аттестата, поступила на рабфак при ЛХТИ. Да ещё операция вызвала четыре сильнейших приступа малярии, приобретённой на папином строительстве на Урале, с температурой 41,5°, которая чуть не отправила меня на тот свет, но, к сожалению, всё же не отправила... Физические мучения, кстати, мне сослужили хорошую службу, т.к. всякие наркозы да беспамятства совершенно заглушили на время постоянную душевную боль, но зато с каким ужасающим рвением она опять захватила все мои чувства. Несносная, глупая идея самоубийства не покидает меня, но я, конечно, постараюсь этого не сделать. Музыка переворачивает у меня все внутренности. Но я согласна бы перенести в тысячу раз большие страдания, лишь бы знать, что ОНИ не мучаются. Боже мой! Помоги им!».

К сожалению, у осиротевшей «беспризорницы» (так в дневнике) не сложилось хороших отношений с хозяйкой дома – Софьей Яковлевной, женщиной экспансивной, неуравновешенной, порой резкой, несмотря на внутреннюю жалостливость и даже доброту, особенно к безмерно любимому, увы, больному туберкулёзом, сыну – Гоше. Это, естественно, усугубляло тяжесть участи прилюдной родственницы. Поэтому пессимистические настроения у меня превалировали, но бывало и по-другому:

«Дни здесь проходят однообразно. Была больна ангиной, во время болезни составила кроссворд и написала комическое стихотворение на здешнее семейство (смех сквозь слёзы)».

Прочтя его за обедом, помню, стяжала успех и взрывы хохота всего общества, а собирались за столом у Евангуловых большей частью до десяти человек.

«Иногда всё же меня охватывает, как и прежде, острое желание знаний, кипучей деятельности и желание заняться самоусовершенствованием, тогда опять молодое бьётся сердце, горят щёки и блестя глаза.»

Однако, чуть позже:

«11 декабря (1937). Канун выходного – это немножко приятно... Тем не менее, к обеду настроение сделалось невыносимым. Стало страшно – уж не является ли оно предчувствием чего-то худшего? Пришёл Виктор и играл мой любимый скрябинский этюд, который он разучивает по моей просьбе (симпатичный человек, которого мне почему-то жаль)...».

Виктор Фаворитов был родом из Шадринска, 30-летний сын священника, инженер Ленинградского Текстильного института, друг семьи дяди Миши, часто нас посещавший. Младшие сёстры его, Леля и Муся, наши с Юлей ровесницы, делали это значительно реже. Несчастный молодой человек хворал туберкулёзом, лечился с наложением пневмоторакса. Виктор по неожиданному стечению обстоятельств сыграл впоследствии важную роль в моей судьбе военного периода. А пока жизнь текла:

«12 декабря. День выборов, за которым я, несмотря на уверения и надежды многих, никакого улучшения не жду. А то ведь слишком горько будет разочарование. Сегодня же опустила очередной конверт с заявлением...»

Никогда я так остро не чувствовала музыку, как теперь. Очень часто к этому ещё примешивается и ассоциация чувств. Например, сегодня слушала по радио финал четвёртой симфонии Чайковского, которую обожает папа и которую мы с ним не раз вместе слушали... Меня всё же не оставляет жгучая надежда, что когда-нибудь мои дорогие прочтут этот дневник, и потому стараюсь быть правдивой. Тоска моя беспредельна, иногда так безумно хочется родительской ласки, к которой я так привыкла и которая здесь так не в ходу! Досаждают чувство одиночества...».

И всё это в переплёте с каждодневностью:

«...Вечер прошёл как всегда. За столом стоял страшный гвалт: спорили что-то насчёт выборов.»

14 декабря. Решила несколько задач по физике и написала Юле какой-то конспект, а теперь уже половина пятого, пора обедать – и на рабфак. День прошёл! Но сейчас всё же получила полчаса наслаждения и удовольствия: играл Виктор изумительный этюд Скрябина и романс Шумана. Сегодня звонила Надя – Надежда Васильевна, мамина сестра – и сказала, что обещанных билетов на завтра на «Пяцы» она не достала. Грустно. Писать лень, голова пуста, мысли куда-то все ушли.»

Надя жила на Лермонтовском проспекте в малюсенькой двухкомнатной квартирке вместе с сыном Виктором и его женой Ларисой, изредка я их посещала. С тёткой нас связывала любовь к музыке – несколько раз она брала меня с собой в Мариинский театр и в Консерваторию.

На протяжении всего дневника мелькают такого рода строчки:

«15/XII... Был Виктор Фаворитов и опять «успокоил мою душу» чарующими звуками. Нет, действительно, у него замечательный репертуар. Когда я слушаю его игру, мне иногда кажется, что мысли, не высказанные словами или на бумаге, выливаются через роаяль, особенно этюдом Скрябина... Не было 2-х уроков, а потому я дома и сейчас слушала по радио концерт из музыки Чайковского. Перед глазами мои родители, особенно при звуках вальса из «Щелкунчика», который мы, все трое, так любим.»

Некоторую роль в моём существовании с конца 1937 года до середины 1938, т.е. до сдачи экзаменов в два института, сыграл рабфак, причём, в положительном смысле. Прежде всего, там встретился значительный процент интеллигентной молодёжи, в отличие от студентов будущих институтских групп, позволившей вступить с некоторыми из них в приятельские отношения:

«Вечером неожиданно погас свет, поэтому занятий на рабфак не было. За мной зашли ребята, и мы отправились в кино на «Белеет парус одинокий» – обыкновенная советская картина...».

Уровень моих знаний после окончания прекрасной московской школы (бывшая Реформацкая гимназия), частично ещё с дореволюционными учителями, давал возможность часто помогать моим временным соученикам и числиться в отличниках. Дома я, практически, не занималась. Тем не менее, в дневнике, например, за 22/XII:

«Недавно заметила, что уже не помню, когда я в последний раз от души, как следует, по-здоровому хохотала, именно хохотала, и встал мучительный вопрос: смогу ли я опять когда-нибудь так посмеяться? Страшно подумать, что ещё ждёт меня впереди...».

(Продолжение в следующем номере).